

*Маркова А.С.**

**АДРЕСАТЫ ПОВЕСТВОВАТЕЛЕЙ
В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
И «ПАДЕНИИ» А. КАМЮ®**

Аннотация. В статье рассматриваются образы читателей, адресаты произведений «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского и «Падение» А. Камю. Художественный образ повествователей каждого из разбираемых произведений неотделим от адресата. Вместе они образуют единое стилистическое целое каждого из произведений. Влияние «чужого слова» на главных героев становится ключевым элементом для их раскрытия как персонажей и личностей, что выражается в адресном монологе.

Ключевые слова: чужое слово; «Записки из подполья»; «Падение»; адресат; образ читателя; образ повествователя.

Поступила: 28.07.2021

Принята к печати: 17.08.2021

Markova A.S.

**Addressees of Narrators in «Notes from the Underground» by
F. Dostoevsky and «Fall» by A. Camus**

* *Маркова Анна Сергеевна* – аспирантка по направлению «Теория литературы. Текстология» кафедры Теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, e-mail: lirel@yandex.ru

Markova Anna Sergeevna – postgraduate student in the direction of Theory of Literature. Tekstology of the Department of «Theoretical and Historical Poetics» of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e-mail: lirel@yandex.ru

© Маркова А.С., 2021

Abstract. The article examines the images of readers, addressees, works «Notes from the Underground» by F. Dostoevsky and «Fall» by A. Camus. The artistic image of the narrators of each of the analyzed works is inseparable from the addressee. Together they form a single stylistic whole for each of the works. The influence of «someone else's word» on the main characters becomes a key element for their disclosure as characters and personalities, which is expressed in a targeted monologue.

Keywords: someone else's word; «Notes from the Underground»; «Fall»; the addressee; the image of the reader; the image of the narrator.

Received: 28.07.2021

Accepted: 17.08.2021

Может ли личность познать самое себя вне диалогового контекста? И если это принципиально невозможно (а именно этой мысли придерживается М.М. Бахтин, полагая, что голос «внутреннего человека» может зазвучать лишь в диалоге [Бахтин, 2016, с. 382]), то какую роль в формировании целостной личности играет адресат? Может роль адресата позволить увидеть преемственность и художественное родство литературных произведений, принадлежащих к разным культурам и эпохам?

Сопоставляя произведения «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского и «Падение» А. Камю, исследователи, в том числе и О.А. Джумайло, нередко говорят о тематической и поэтической преемственности [приводится по: Джумайло, 2012, с. 77]. Однако именно роль адресата является тем основополагающим, архитектурным элементом, который не только формирует личность главного героя в обоих произведениях, но и заставляет его полностью раскрыться, показать своего «внутреннего человека» читателю. Также заметим, что наличие адресата подразумевает диалоговое общение, которое не сводится к сюжетному, в строгом смысле, диалогу, а заключается в диалогии «я – другой».

Как отмечает М.М. Бахтин, «другой» – это сонм голосов, оценок и суждений, который ощущается главным героем как «чужая воля» [приводится по: Бахтин, 2016, с. 358]. «Чужая воля» формирует категорию свободы как в «Записках...», так и в «Падении», а также вынуждает персонажей произносить «последнее слово о себе» [там же, с. 354] – по мысли М.М. Бахтина, исповедальное самоопределение,

ориентированное на противоположную оценку себя другими, – что заставляет читателей адресовать к самим себе экзистенциальные вопросы.

Категория свободы и диалог

Стремление к свободе, к познанию себя как самостоятельного субъекта, наделенного волей и возможностью волеизъявления, заложено в самой диалогической форме.

Если рассматривать диалог и монолог как дихотомию, то монологическая форма подразумевает авторитарную позицию, которая не учитывает иного мнения. В статье «Диалог согласия» В.И. Тюпа, анализируя работы М.М. Бахтина, высказывает мысль, что «монологизм» не только присваивает права на «последнее слово», но и лишает субъект его душевной глубины, его «внутреннего человека». И то и другое может быть раскрыто только в диалоговом общении. В.И. Тюпа также отмечает, что российской культуре свойственна монологическая стратегия подчинения, выраженная в просьбе или приказе [приводится по: Тюпа, 2005].

Бунт «человека из подполья» против идеи тотального господства разума, о котором пишет в своей статье Т.В. Ковырзенкова, выражен структурно – архитектурно – в обращении к адресату. Попытка главного героя «продемонстрировать несоизмеримость свободной, противоречивой и иррациональной человеческой природы с рационалистическим гуманизмом» [Ковырзенкова, 2013, с. 339] заключается не столько в озвучивании своей позиции, а в самом факте звучания слова не с авансцены, а как бы с последнего ряда, в стремлении быть услышанным вопреки всему.

Обратная сторона диалогового общения заключается в зависимости от чужого слова, что приводит к диалектическому противоречию. Свобода немислима в монологической форме, но диалогическая приводит к зависимости от «чужого слова» и от воли «другого».

И «человек из подполья» решительно хочет освободиться от этого гула голосов – от этих «всех», от «другого». И в этом тоже звучит бунт – в провокационных фразах и замечаниях (например, о Клеопатре и золотых булавах). Прорезается голос личности и чувствуется желание субъекта обрести подлинную свободу от всего и ото всех.

К подобной свободе стремится и герой «Падения». Вступая в диалог с адресатом (посетителем бара), он старается обозначить границы, отделяющие его как личность ото всех остальных и определяющие его самого. Именно поэтому он уточняет, что бармен (которого он бесцеремонно обзывает гориллой) говорит только по-голландски. Именно поэтому он напрямую спрашивает у собеседника о его достатке и, узнав, что тот вполне обеспечен, интересуется, делится ли он с нуждающимися: «Нет? Значит, вы из тех, кого я называю саддукеями»¹. Заметим, что саддукеи, последователи древнееврейской философской школы, были известны роскошным образом жизни и отрицанием посмертия. И в простой фразе уже звучат укор, зависть и даже ксенофобия.

Принципиальное неравенство социальных и экономических условий порождает то же противопоставление «я – они» («другой»), что и в «Записках из подполья».

Диалоговая форма, представленная более явно, сюжетно, так же, как и в «Записках...» помогает формировать героя как свободную личность, не явленную читателю в самом начале, но постепенно раскрывающую, постигаемую в диалоге. Таким образом, свобода волеизъявления, оценки себя и других позволяет «внутреннему человеку» обрести право голоса.

Обращение к «другому» как обретение голоса «внутреннего человека»

Будучи собирательным образом русского интеллигента, показанного далеко не с самых положительных его сторон, главный герой «Записок из подполья» отличается снобизмом, высокомерием, нежеланием действовать, злопамятностью, неприкрытой жестокостью по отношению к слабому. Но вместе с тем такое отношение к миру делает и самого персонажа одиноким и несчастным, запертым в темнице своего «подполья», дарующей ему только мнимое ощущение безопасности.

Преодолеть состояние отчужденности – прежде всего от самого себя, прийти к пониманию и видению себя со стороны – «человеку из

¹ Камю А. Падение. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=13020>

подполья» помогает адресат, в диалоге с которым он слышит «чужое слово». И под действием этого слова, некоего «дурного взгляда», его речь меняется, как и речь другого героя Достоевского, Макара Девушкина. М. М. Бахтин точно определяет такое взаимодействие с «другим»: «Под этим чужим взглядом и корчится речь Девушкина. Он, как и герой из подполья, вечно прислушивается к чужим словам о нем» [Бахтин, 2016, с. 312].

И, предвосхищая реакцию этого «другого», «человек из подполья» иронизирует, оправдывается, настаивает и защищается: «Наверно, вы думаете, господа, что я вас смешить хочу? Ошиблись и в этом. Я вовсе не такой развеселый человек...»¹; «Мне теперь хочется рассказать вам, господа, желается иль не желается вам это слышать, почему я даже и насекомым не сумел сделаться»²; «Вы кричите мне (если только еще удостоите меня вашим криком)...»³. Он, словно находясь под ярким светом софита, вынужден ориентироваться на «зрителя» и обнаруживать в себе самом не самые лестные черты.

Читая произведение, мы воспринимаем главного героя как человека нам не очень приятного. Есть в его характере и жесткость, и уничижение, которое паче гордости, и заносчивость. Возникает аналогия с Иудушкой Головлевым, с его главной чертой, по мысли А.В. Кузнецова, пустоустрабием [приводится по: Кузнецов, 2020, с. 163–165]. Казалось бы, как и Иудушка Головлев, главный герой «Записок из подполья» может предложить миру лишь камень, полагая, что это хлеб [приводится по: Кузнецов, 2020, с. 164; Салтыков-Щедрин, 1972, с. 119]. Но «человека из подполья» оберегает от бесплодности существования исповедальный характер его записок, его «последнее слово о самом себе», адресованное абстрактным «господам», отправленное, как письмо в бутылке, «другому» – участнику диалога.

Герой «Падения» тоже переживает свое преобразование под воздействием «чужого слова» буквально на глазах у читателя, которого А. Камю заставляет принять точку зрения собеседника. Если у Ф.М. Достоевского адресат представлен эксплицитными «господами»,

¹ Достоевский Ф.М. Записки
<https://ilibrary.ru/text/9/p.8/index.html>

² Там же.

³ Там же.

то в произведении французского автора это – персонаж. Создается впечатление, что А. Камю предвосхитил диалоги в компьютерных играх от первого лица, когда к игроку обращаются иные персонажи игры как к давнему приятелю, являющемуся частью их мира, хотя сам игрок с этими персонажами еще и незнаком. Это выражается не только в обращении, но в ответах, услышанных нарратором, что еще больше создает эффект погружения в атмосферу повествования: «Надеюсь, вы не сочтете навязчивостью, если я предложу помочь вам?»¹; «Ну вот, принесли нам наконец джин. За ваше здоровье!»².

Главный герой «Падения» не кажется мизантропом, а рассуждения об особенностях «блудливой» жизни Европы воспринимаются как клише. Описание философских бесед на пиру является частью европейской литературной традиции, которая восходит к дошедшим до нас греческим и римским текстам (вспомним, например, «Пир» Платона и «Сатирикон» Петрония).

Однако у А. Камю в «Падении» пьяная беседа становится только внешним обрамлением произведения, позволяющим одновременно создать диалоговый контекст и акцентировать внимание на главном герое, который, по мнению М.А. Сазонова, отличается любовью к лицедейству и всегда готов поломать комедию, «но не бескорыстно: “самобичевание исподволь переходит в обвинение, грехи одного исподволь перекладываются... на других”» [приводится по: Сазонов, 2010, с. 84; Камю, 1989, с. 32].

Заметим, «ломать комедию» героя заставляет тот же свет софитов, что и подвигает на исповедь «человека из подполья». Диалоговый контекст и наличие адресата – внимания со стороны слушателя – воздействуют на героя «Падения». Его так же начинает корезить под влиянием «чужого слова» и взгляда конкретной личности, что в конце концов (в этом принципиальное различие двух произведений) сводит исповедь к театру абсурда.

«Последнее слово о себе» для главного героя «Падения» становится обличительным, что не умаляет той художественной силы, с которой оно сказано, и лишь подчеркивает эстетическую задачу художественного произведения. «Человек падения» так же, как «человек

¹ Камю А. Падение. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=13020>

² Там же.

из подполья» имеет некоторые сходства с Иудушкой Головлевым, но его голос лишен искренности, необходимой для исповедального текста, а без этого – миру достается летящий в «других» камень.

Выводы

Наличие адресата в обоих произведениях формирует диалогическую форму повествования, которая позволяет обозначить и раскрыть категорию свободы через структурную дихотомию «диалог – монолог», а также посредством ориентации на «чужое слово» выявить и выразить «внутреннего человека» главных героев «Записок из подполья» и «Падения».

Место адресата в художественном целом произведения становится ключевым моментом для понимания центрального персонажа произведения. В «Записках из подполья» задана ориентация на абстрактное обращение к «господам», которое, в сущности, подразумевает наличие целого сонма голосов, но ни одного конкретного. «Человек из подполья» вынужден прислушиваться к ним, ощущать на себе «дурной взгляд» и отвечать. Но то, что эти голоса не принадлежат конкретной личности, позволяет герою вести исповедальное повествование и в диалоге высказать такое последнее слово о самом себе, которое вызывает у читателя скорее сострадание, чем осуждение.

В «Падении» обращение к персонажу, к конкретной личности, лишает героя возможности быть до конца искренним и заставляет «ломать комедию», сводя исповедь к абсурду.

Однако именно адресат становится тем элементом повествования, который позволяет звучать голосу «внутреннего человека». Без адресата, вне диалогового общения, персонажи обоих произведений не могли бы существовать. Главные герои обоих произведений ищут оценку себя другими – как возможность познать самих себя – и находят ее в глазах читателя. Именно это заставляет уже самого читающего обратиться к себе и задуматься над экзистенциальными вопросами.

Список литературы

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – СПб. : Азбука-Аттикус, 2016. – 416 с.

Джумайло О.А. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в истории зарубежного исповедально-философского романа // Известия Южного федерального университета. – 2012. – № 4. – С. 74–85.

Достоевский Ф.М. Записки из подполья. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ilibrary.ru/text/9/p.8/index.html> (Дата обращения: 20.07.21)

Каю А. Падение. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=13020> (Дата обращения: 21.07.21)

Каю А. Избранное : сборник / пер. с франц.; составл. и предисл. С. Великовского. – М. : Радуга, 1989. – 464 с.

Ковырзенкова Т.В. Трагедия «подпольной» свободы в повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья» / Московский государственный педагогический университет // ПРЕПОДАВАТЕЛЬ XXI ВЕК. – 2013. – № 2–2. – С. 336–342.

Кузнецов А.В. «Пустоутробие» как основа образа Иудушки Головлева // Сборник статей XXXIV Международного научно-исследовательского конкурса. – 2020. – С. 163–165.

Сазонов М.А. Традиции полифонической прозы Ф.М. Достоевского в романе А. Каю «Падение» / Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка // ВЕСЦІ БДПУ. СЕРЫЯ 1. ПЕДАГОГІКА. ПСІХАЛОГІЯ. ФІЛАЛОГІЯ. – 2010. – № 3. – С. 84–87.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом) ; ред. коллегия: С.А. Макашин (гл. ред.) [и др.]. – М. : Художественная литература, 1972. – Т. 13 : Господа Головлевы. 1875–1880. Убежище Монрепо. 1878–1879. Круглый год. 1879–1880 / [тексты подгот. В.Н. Баскаков, В.Э. Боград, Д.М. Климова ; примеч. сост. В.В. Прозоров, В.А. Мысляков, П.С. Рейфман]. – 814 с.

Тюна В. И. Диалог согласия // Новый филологический вестник. [Электронный ресурс]. – 2005. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-soglasiya> (Дата обращения: 14.08.21).

References

Bahtin, M.M. (2016). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Saint Petersburg : Azbuka-Attikus. (In Russian).

Dzhumajlo, O.A. (2012). «Zapiski iz podpol'ya» F.M. Dostoevskogo v istorii zarubezhnogo ispovedal'no-filosofskogo romana [«Notes from the Underground» by F.M. Dostoevsky in the history of the foreign confessional and Philosophical Novel]. In *Izvestiya yuzhnogo federal'nogo universiteta* [Izvestia of the Southern Federal University], (4), (pp. 74–85). (In Russian).

Dostoevskij, F.M. *Zapiski iz podpol'ya* [Notes from the underground]. Retrieved from : <https://ilibrary.ru/text/9/p.8/index.html> (In Russian).

Kamyu, A. *Padenie* [Fall]. Retrieved from : <https://www.litmir.me/br/?b=13020> (In Russian).

Kamyu, A. (1989). *Izbrannoe: Sbornik* [Favorites: Collection], S. Velikovskiy (transl. frn. French; compiled and foreword). Moscow : Raduga. (In Russian).

Kovyryzenkova, T.V. (2013). Tragediya «podpol'noj» svobody v povesti F.M. Dostoevskogo «Zapiski iz podpol'ya» [The tragedy of «underground» freedom in the story of F.M. Dostoevsky «Notes from the underground»]. In *Moskovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. PREPODAVATEL' XXI VEK* [Moscow State Pedagogical University. TEACHER OF THE XXI CENTURY], (2–2), (pp. 336–342). (In Russian).

Kuznecov, A.V. (2020). «Pustoutrobie» kak osnova obraza Iudushki Golovleva [«Pustoutrobie» as the basis of the image of Judushka Golovlev]. In *Sbornik statej XXXIV Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa* [Collection of articles of the XXXIV International Research Competition], 163–165. (In Russian).

Sazonov, M.A. (2010). Tradicii polifonicheskoy prozy F.M. Dostoevskogo v romane A. Kamyu «Padenie» [Traditions of the polyphonic prose of F.M. Dostoevsky in the novel «The Fall» by A. Camus]. In *Belorusskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni Maksima Tanka. VESCI BDPU. SERYYa 1. PEDAGOGIKA. PSIHALOGIYa. FILALOGIYa* [Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank. VESTI BSPU. SERIES 1. PEDAGOGY. PSYCHOLOGY. PHILOLOGY], (3), (pp. 84–87). (In Russian).

Saltykov-Shchedrin, M.E. (1972). *Sobranie sochinenij: V 20 t. / AN SSSR, IRLI (Pushkinskij Dom)* [Collected works: In 20 volumes / USSR Academy of Sciences, IRLI (Pushkin House)]; editorial board: S.A. Makashin (chief editor) [et al.]. *T. 13. Gospoda Golovlevy. 1875–1880. Ubezhishe Monrepo. 1878–1879. Kruglyj god. 1879–1880* [Vol. 13. Gentlemen Golovlevs. 1875–1880. Monrepos ' hideout. 1878–1879. All year round. 1879–1880] (the texts are prepared. V.N. Baskakov, V.E. Bograd, D.M. Klimova; primech. sost. V.V. Prozorov, V.A. Myslyakov, P.S. Rejfmán)]. Moscow : Hudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Tyupa, V.I. (2005). Dialog soglasiya [The consent dialog]. In *Novyj filologicheskij vestnik* [The New Philological Bulletin]. Retrieved from : <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-soglasiya> (In Russian).